

полезно будет издать особою книжкою. А в „Чтениях Беседы“ останется оно меньше известным для публики. . . »

Совет критика совпадал с желанием автора, но за доработку трактата и подготовку его к изданию отдельной книгой Державин взялся только летом 1816 г., на Званке. «Принявшись доканчивать» «Лирическое рассуждение», поэт спохватился, что не взял с собою из Петербурга некоторые материалы. Поэтому в письме С. В. Капнисту от 8 июня он просил разыскать в своем кабинете черновики «Лирической поэзии» и вообще «все что литературы касается» (Гр., 6, 339). Получив требуемое, Державин исправил рукопись «Продолжения» в соответствии с замечаниями Евгения (иногда вводя их в текст почти дословно, иногда — с основательной переработкой). В письме самому Евгению 20 июня поэт сообщил: «... Я по замечаниям вашим переправляю теперь мое „Рассуждение о лирической поэзии“... Но скажу по правде, что иные заметки мне не очень нравятся, ибо, кажется, вы не так-то справедливо судили» (Гр., 6, 340).

В связи с советом Евгения по поводу 2-й части Державин сообщал, что внесет в текст сведения о монахине Розвейде и ее стихах. Что касается «Пиндаровой древней музыки», на введении которой настаивал Евгений и в связи с 1-й, и в заметках о 2-й части, то, как показывает рукопись, Державин решил включить ее в 4-ю часть. Таблица «Меры горадианских стихов», составленную для трактата А. Котельницким, которую Евгений советовал исключить из «Рассуждения» вообще, поэт перенес в приложения к книге. Пять замечаний критика автор учел и так или иначе ввел в текст.

Однако примечание «№ 8» вызвало недоумение Державина. Дело в том, что он примеры стихотворных метров (стоп) взял из «Сочинений и переводов» Тредиаковского (Спб., 1752, т. 1). Евгений, обратив внимание на то, что Тредиаковский приписал существование этих метров «нашим подлым, но коренным стихам», т. е. фольклору, совершенно справедливо возражал: «В старинной нашей просодии не было чистых ямбов и хореев» (Гр., 6, 315). Державин же, который привел эти примеры для иллюстрации современной русской метрики, очевидно, понял возражение Евгения в том смысле, что Тредиаковский и Ломоносов не разбирались в метрах, и в недоумении спрашивал: «... Известно, что Тредиаковский был муж ученый и знал правила пиитики и риторики (этого у него оспорить нельзя; но беда, что не имел только вкуса),²⁰ — то как ему не знать было правильных ямбов, хореев, дактилей и анапестов, как вы о том сказали? То и препровождаю

²⁰ Между прочим, эти слова — явная реминисценция из «Памятника дактилохорического витязю» А. Н. Радищева, где сказано о Тредиаковском: «Несчастье его было то, что он, будучи муж ученый, вкуса не имел». Возможно, Державин перечитывал трактат Радищева не только в соответствии со своими занятиями, но и в связи с полемикой о гекзаметрах в Беседе, где обе стороны (С. С. Уваров и В. В. Капнист) пытались опереться на авторитет Радищева.